

УДК 81-26

UDC

DOI: 10.17223/18572685/81/12

Историко-культурная и лингвистическая биография льна (к вопросу о междисциплинарности исследования)

Л.П. Дронова

Томский государственный университет

Россия, 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36

E-mail: lpdronova @ mail.ru

Авторское резюме

Рассматривается история изучения одного из славянских и европейских «Kulturwörter» – слова лён (*linum*), известного с доисторических времен, начиная с крито-микенских, древнегреческих текстов. Лингвисты после более чем столетнего внимания к происхождению этого слова (известного только в европейских языках), приходят к выводу, с одной стороны, что это слово большой (до)исторической глубины происхождения (возможно, «ностратического» периода), с другой стороны, делают вывод об исконном именовании льна в европейских языках, объясняют **lino-* как производное от **lei-/li-* ‘лить’ и связывают это с процедурой предварительного вымачивания стеблей льна. Приводимая сторонниками этой точки зрения типологическая параллель с др.-инд. *umā-* ‘лен’ и лат. *umēre* ‘быть влажным’ не получила поддержки индо-иранистов. Междисциплинарный подход с привлечением данных истории расселения в Европе индоевропейцев, исторических связей европейцев со Средиземноморьем, фактов археологии, истории по развитию земледелия и ремесла, способов получения прядильного материала позволяет дать иную интерпретацию европейского обозначения льна. Предположение С.А. Старостина о том, что именование культуры льна могло быть индоевропейско-северокавказской изоглоссой, подтверждается выводами Н.И. Вавилова и его последователей, обобщающих данные по вопросу распространения земледелия в Европе: основной набор культурных растений сложился из элементов переднеазиатской культурной флоры (включая лён) в Средней и Северной Европе и на Восточноевропейской равнине. В свою очередь, колхидский стелющийся лён является родоначальным типом для всех других форм культурного льна, распространенных в Закавказье и вообще в Передней Азии.

Ключевые слова: междисциплинарность, методология сравнительно-исторического языкознания, лингвистическая биография льна, историко-культурная биография льна

The historical-cultural and linguistic biography of flax (on the problem of interdisciplinary research)

Lyubov P. Dronova

Tomsk State University

36 Lenin Avenue, Tomsk, 634050, Russia

E-mail: lpdronova@mail.ru

Abstract

This article examines the history of research into one of the Slavic and European Kulturwörter—the word лён (flax, *Linum*), attested from prehistoric times, beginning with Cretan-Mycenaean and Ancient Greek texts. After more than a century of etymological study, linguists generally concur that, on the one hand, this term possesses considerable (pre)historical depth, potentially extending to the Nostratic period. On the other hand, they have advanced a hypothesis regarding its primary meaning in European languages, interpreting *lino- as a derivative of *lei-/*li- ('to pour'), thus linking it to the process of retting flax stems. A typological parallel, proposed by proponents of this view, between ancient Indian *umā-* ('flax') and Latin *umēre* ('to be wet') has not gained support among specialists in Indo-Iranian studies. An interdisciplinary approach, drawing on data concerning the history of Indo-European settlement in Europe, historical connections between European peoples and the Mediterranean, archaeological evidence, the development of arable farming, textile crafts, and methods of fiber extraction, allows for an alternative interpretation of the European term for flax. The hypothesis put forward by Sergey A. Starostin, suggesting that the designation of the flax plant may constitute an Indo-European–North Caucasian isogloss, finds confirmation in the work of Nikolay I. Vavilov and his followers. Their synthesis of data on the expansion of agriculture in Europe indicates that the primary assemblage of cultivated plants was formed from elements of the West Asian cultivated flora, which included flax. Moreover, both in Central/Northern Europe and on the East European Plain, Colchian flax is considered the ancestral form from which all other cultivated varieties in Transcaucasia and Western Asia descended.

Keywords: interdisciplinarity, methodology of comparative-historical linguistics, linguistic biography of flax, historical and cultural biography of flax

Введение

Признание значимости междисциплинарных исследований – теоретически бесспорное – на практическом уровне, в частности, в историко-лингвистических исследованиях не привело к широкому применению этого подхода. Как редкое исключение можно назвать обобщающую работу В.В. Седова «Славяне: Историко-археологическое исследование» (2002); где неоднократно даются ссылки на совпадение или несовпадения данных историко-археологических с наблюдениями и выводами лингвистов (прежде всего ссылки на «Этногенез и культура славян: лингвистические исследования» О.Н. Трубачёва (2002)) [3]. Рассмотрим один яркий пример необходимости междисциплинарного подхода как межнаучного сотрудничества: речь идет о давней истории изучения одного из славянских и европейских «Kulturwörter» – слова *лён* (linum). Об этом растении и его культурной значимости известный лингвист В.Н. Топоров писал: «Можно с уверенностью сказать, что ни одно из культурных растений в северном и северо-восточном ареале Европы не может сравниться с льном в отношении той роли, которую он играет в “вегетативной” мифологии, во-первых, специально в схеме умирающего и воскресающего бога или духа растительной силы, во-вторых, и в сюжете “основного” мифа, в-третьих. В этом смысле материально-духовный комплекс в балтийских, славянских, германских традициях отражает результаты переработки отдаленных во времени и в пространстве идей и образов древней Средиземноморской цивилизации и синтеза “чужого” и “своего”, поисков местных эквивалентов и аналогий вегетативным символам иных, более ярких в этом отношении культурных зон» [7: 282].

История и проблемность темы именованья льна с точки зрения лингвистов

Известность и значимость культуры льна давно привлекали внимание лингвистов, историков культуры к его общему обозначению в Европе с древнейших времен, ведущему историю еще с крито-микенских текстов. Три с половиной тысячи лет этого имени сделали его для историков, культурологов важным свидетельством расселения и связей древнеевропейцев, а для лингвистов это стало задачей понять и объяснить обозначение растения как лингво-культурного феномена в аспекте его происхождения, начальной семантики и того, с каким этапом культуры индоевропейцев (древнеевропейцев) оно связано.

Обзор работ и мнений их авторов обобщен и приведен при анализе происхождения слова *лён* О.Н. Трубачёвым [10: 90] и В.Н. То-

поровым в 1990 г. [7: 289–309]. Из этого обзора следует, что многие исследователи допускают возможность как исконного родства всех форм, так и их заимствования из общего источника – «культурное заимствование» (М. Фасмер, В. Георгиев, Г. Хирт и др.). Например, в известной работе об индоевропейцах и их языке Вяч.Вс. Иванова и Т.В. Гамкрелидзе взгляд на происхождение слова лён соотносится с гипотезой авторов о переднеазиатской прародине индоевропейцев: «Культура льна с глубокой древности известна в Египте, где лён выращивали уже в неолите Фаюма и Бадари. <...> Не исключено, что культурные формы льна и в Египет пришли из Западной Азии. Характерно, что уже достаточно рано египетские виды “льна” стали отличаться от западноазиатских. Судя по диалектному распространению слова для льна (греческий, балто-славянский, латинский, а, возможно, также кельтский и албанский), форму *lino- следует считать древним индоевропейским образованием, отразившимся в большинстве индоевропейских диалектов в значении “лен”, “полотно”, “льняная нить» [1: 660]. Отсюда следует вывод: само растение западноазиатского происхождения, скорее всего, а его имя собственно индоевропейское.

О.Н. Трубачёв, подводя итоги многочисленных лингвистических исследований историко-этимологического характера по обозначению древнейшего прядильного растения и возвращаясь к старой идее А. Фика, также делает вывод об исконном именовании льна в европейских языках: «*lino- объясняется как причастие страд. прош.вр. от *lei-/li- ‘лить’. Ср. также праслав. *льнь с блр. диал. *лайно́* ‘отходы при обработке льна» [10: 90]. В.Н. Топоров оценивает это этимологическое решение как «наиболее перспективное, хотя и с оттенком “народно-этимологического” подхода», и, ссылаясь на указывающую историческую глубину именованья льна индоевропейско-северокавказскую лексическую изоглоссу, выделенную С.А. Старостиным (1984), предлагает еще одну реконструкцию, возводящую обозначение льна к «ностратическому» горизонту (ностр. *lejna ‘мягкий’, ‘слабый’, отраженное в семито-хамитских, индоевропейских и уральских языках), замечая при этом, что «сама связь «размочить» → «размягчить» не вызывает сомнения» [7: 269–270]. В связи с этим выводом следует заметить, что предположение, данное с точки зрения лингвистики, вызывает сомнение с точки зрения истории реалии: ведь вымачивание стеблей – это уже поздний, «культурный», подход к получению волокна из ставших мягкими стеблей (ср. название населённого пункта Мочище около Новосибирска). Размягчение стеблей льна (как и конопли, крапивы) происходило и происходит естественным путем, когда они остаются под осенними дождями и зимой под снегом. Также нет свидетельств или косвенных доказательств изготовления пряжи,

ткани из растительного волокна применительно к уровню ностратики.

Позднее, в 1998 г., С.А. Старостин публикует более подробное изложение индоевропейско-северокавказской изоглоссы именованья льна на фоне других языковых свидетельств добалканской истории праиндоевропейцев в Передней Азии, где отмечает, что обозначение семени, зерна и льна в правосточнокавказском «надежно этимологизируется как производное от глагола *ʔV-λVwn- ‘сеять’, давшим арч. λwin-, лезг. fip ‘семя’, крыз. xip ‘лён’ и др. (с латеральным спирантом λ) [5: 327]. Определяемая в таком случае внутренняя форма имени льна вполне согласуются с тем, что лён на практике использовался и используется до сих пор и как масличное растение, и как прядильное для получения ткани. Ср. еще предположение С.Л. Николаева о том, что хет. līti- ‘маслянистое растительное вещество’ и др.-греч. λις (лит- с l-долгим) ‘льняная ткань (полотно, холст)’ являются северокавказскими заимствованиями [2: 65, 70].

Пример с именованьем льна согласуется с глубокой, добалканской, историей основного земледельческого термина индоевропейцев: о существовании земледелия у индоевропейцев свидетельствуют данные, начиная с хеттских текстов, ср. хет. ḫarš- ‘обрабатывать землю под посев’, лат. arāre, arvum ‘пашня’, тох. А, В āre ‘плуг’, слав. *orati ‘пахать’ и др. (<и-е. *ḫar- ‘обрабатывать землю’) [11: 108–110], но в семантике однокорневых образований (с начальным долгим гласным) – лит. árti ‘пахать’, orė ‘пахота’, iš óro ‘извне, снаружи’, лит. ógas, лтш. ars ‘простор; открытое место’, лат. ārea ‘свободное место; ток’, др.-инд. āre ‘вдали’ (< *праи-е. ār(ḥ)о- ‘простор’) – сохранились следы доземледельческой истории индоевропейцев, и они сопоставимы с прасев.-кавказ. ʔār(ḥ) V- ‘поле, равнина’ (лак. ar ‘равнина’, чеч., инг. āre ‘пол; равнина, степь’) [5: 313].

К сожалению, материалы о доевропейской истории льна не были замечены славистами-этимологами и через четверть века – без обращения к истории растения и учета его «биографии», начиная с крито-микенских текстов, – опять видим возвращение к прежней версии О.Н. Трубочёва–В.Н. Топорова о происхождении и-е. *lino- с добавлением еще белорусских примеров и предполагаемой модели номинации: «...блр. *лайно* ‘одежда, бельё’, *лайнина* ‘один предмет одежды’, ‘лоскут’ можно связать с *лайно* ‘отходы при обработке льна’, если *лайно* (2) относится к гнезду *liti- как ‘волокно, льняное полотно’ (и-е. *lino-). Развитие значения: (растительное волокно) → ткань → изделие из этой ткани → изделие из любой ткани» [9: 548–554].

Высказывалась еще одна гипотеза о возможном именовании льна по его цветкам («...и-е. *li-но может быть образованием от и-е. *(s) lī- ‘голубоватый’ (ср. *слива*). Лён мог быть назван по его голубоватым

цветкам» [8: 475]. Но эта версия в дальнейшем не получила поддержки.

И еще о типологии. В работах О.Н. Трубочёва и В.Н. Топорова приводится ссылка на типологическую параллель к гипотезе *lei-/*li- 'лить' → *lino- 'лён': др.-инд. *umā-* 'лён' // лат. *umēre* 'быть влажным' // лит. жемайт. *umas* 'сырой, свежий, непросохший' [7: 270; 10: 90]. Но эта гипотеза опровергается специалистами по индоарийским языкам. И.М. Стеблин-Каменский, обобщая информацию о памирском названии льна отечественных и зарубежных ученых, пишет: «Чрезвычайно интересное слово для обозначения льна представлено в мунджанском языке: мдж. *yūṭāya/ yūṭaga*, йид. *imogo* 'лён'. Это название льна может быть сближено только с верш. *human*, бур. *hūmln* 'льняное семя'. Из числа более отдаленных сородичей следует привести др.-инд. *umā-* (и *ṣumā-*) 'лён', которые считаются словами иностранного происхождения» [6: 56]. И он добавляет, ссылаясь на ряд источников, что др.-инд. *umā-* (и *ṣumā-*) 'лён' через иранские языки попало в китайский язык и что китайцы смешивали кунжут и лён из-за сходства применения масла семян этих растений в медицине и называли их «иранской коноплей»; в свою очередь, это слово из китайского попало в тюркские языки (кит. *huma-* 'лён' → тюрк. *quma* 'льняное масло', монг. *xuma* 'кунжут', япон. *goma* 'кунжут') [6: 56]. То есть типологическая параллель к предполагаемой связи понятий «лить», «мокрый» и «лён» не состоялась. Вымачивание стеблей льна – это собственно следование природной подсказке: стебли льна (крапивы, конопля), пролежавшие осень, зиму под дождем и снегом (естественное мочище), проходят ту самую первичную стадию подготовки к добыванию из них волокна. Это делает признак вымачивания стеблей не столь актуальным для первичной номинации.

История и проблемность темы именованя льна с точки зрения историков, археологов, историков культуры

Обратимся к истории самой реалии, к исторической географии культурных растений в изложении Е.Н. Синской, ученицы Н.И. Вавилова [4], учитывающей в своей работе и данные археологии, истории культуры. В Передней Азии расположен один из трех мировых первичных очагов культурного льна, где имело место независимое вхождение в культуру: первый очаг – Индия, второй – Юго-Западная Азия, Афганистан и прилегающая к ним горная Индия, третий – Передняя Азия – Колхида. Наиболее древней реликтовой формой переднеазиатских льнов является озимый, склонный к простратности лён, который сохранился в культуре в Малой Азии и кое-где в Закавказье. Колхидский стелющийся лён является родоначальным типом

для всех других форм культурного льна, распространенных в Закавказье и вообще в Передней Азии. Геродот сообщает, что колхидское полотно называлось у эллинов сардинским, но так как колхидский лён попадал в Грецию через малоазиатские Сарды, то, вероятно, мог получить название «сардинский» ошибочно вместо «сардский» [4: 56].

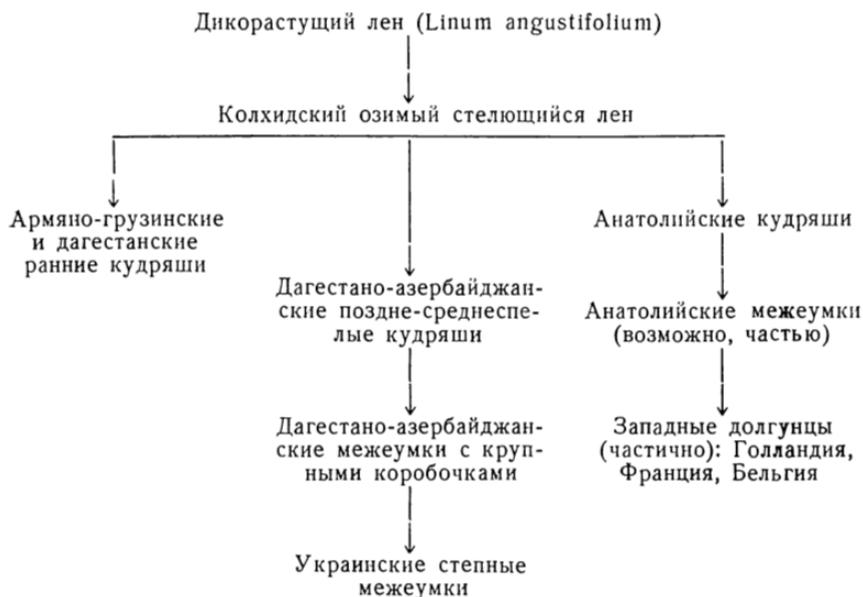
В настоящее время совершенно особый лён имеет островное распространение. Наиболее значительные площади под его посевами обнаружены в Малой Азии, недавно его можно было встретить в окрестностях Ленкорани, и теперь еще он, хотя и очень редко, высевается в Мегрелии. Небольшие посевы этого льна имеются в Баварии. Разорванный ареал уже указывает, что этот лён – древнее, некогда широко распространенное, а теперь реликтовое культурное растение. Подтверждением широкого распространения этого льна в древности служит открытие его в неолитических свайных постройках Швейцарии. И в неолитический период в Швейцарии этот лён был прядильным растением (были найдены не только семена, стебли и коробочки семян, но и обугленные остатки еды, приготовленной из семян льна, обрывки ниток, верёвок, сетей и тканей из льняного волокна) [4: 111–112].

Интересны этнографические данные, что у местного населения в тех глухих уголках Закавказья, где еще сохранилась его культура, отношение к этому льну особое. Он считается священным растением, возделывается отдельно, большей частью на огородах, и хранится особо. Об этом говорят старики, которые, впрочем, очень неохотно сообщают сведения о нем. Очевидно, он и теперь сохранил скорее ритуальное, чем хозяйственное значение. Вероятно, этот лён, как и другие культурные растения, лишь позднее стал использоваться как прядильное растение, но в народных преданиях до сих пор сохранилась память о первоначальной цели его возделывания» [4: 55]. О ритуальном, мифопоэтическом представлении льна в древнегреческой и балтийской культуре писал В.Н. Топоров [7: 271–281].

Обобщая данные по вопросу распространения земледелия в Европе, Е.Н. Синская делает вывод, что в Средней и Северной Европе, где земледелие существует с неолита, основной набор культурных растений сложился из элементов переднеазиатской культурной флоры (в том числе и льна) и что на Восточноевропейской равнине основной ассортимент культурных растений также сложился из видов, распространившихся из Передней Азии (пшеница мягкая и твердая, полба, овес, вероятно, ячмень и лён в варианте «степные межеумки», кроме того все бобовые, репа, огурец, морковь, сельдерей и др.) [4: 39].

Е.Н. Синская приводит схему происхождения и распространения льна из Колхидского очага [4: 56]:

*Схема происхождения и распространения льна
из Колхидского очага*

Заключение

Таким образом, сведения об истории и географии культурной флоры с привлечением данных археологии и истории о распространении льна в Европу из Передней Азии на Балканы и через Кавказ на Восточноевропейскую равнину согласуются с лингвистическими данными о контактах праиндоевропейцев с носителями правосточнокавказских языков в Передней Азии (до их переселения на нынешние кавказские территории). Получают объяснение и варианты имени льна с кратким и долгим гласным в европейских языках. Явно, что балты, переселившиеся еще во II тыс. до н. э. в Восточную Европу с Балкан, принесли с собой и первичный вариант имени с кратким гласным, подобно древнегреческому варианту, и, вероятно, «поделились» с праславянами (ср. о сходстве и в мифопоэтическом осмыслении культуры льна в древнегреческом, балтийских и славянских языках у В.Н. Топорова [7: 264–282]). Расселение индоевропейцев на Балканах, в Приальпийской зоне, происходило на территории, уже достаточно давно освоенной другими, неиндоевропейскими, народами, и изменение в количестве гласного в имени льна как раз может быть результатом прохождения через разноязычную, неродст-

венную индоевропейцам в языковом отношении среду. Привлечение данных по истории культуры индоевропейцев, по происхождению культурных растений позволяет поставить точку в биографии льна как растения и в истории его имени и в то же время возвращает к вопросу о необходимости междисциплинарности в широком смысле этого термина.

Список сокращений

Арч. – арчинский; блр. – белорусский; бур. – бурушаски; верш. – вершицкий; диал. – диалектный; др.-греч. – древнегреческий; др.-инд. – древнеиндийский; йид. – йидга; и.-е. – индоевропейский; инг. – ингушский; кит. – китайский; крыз. – крызский; лак. – лакский; лат. – латинский; лезг. – лезгинский; лит. – литовский; лтш. – латышский; монг. – монгольский; мдж. – мунджанский; праи.-е. – праиндоевропейский; прасев.-кавказ. – прасеверокавказский; праслав. – праславянский; слав. – славянский; тох. – тохарский; тюрк. – тюркский; хет. – хеттский; чеч. – чеченский; япон. – японский.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гамкрелидзе Т.В., Иванов Вяч.Вс. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Реконструкция и типологический анализ праязыка и протокультуры: В 2 т. Тбилиси: Изд-во Тбилисского ун-та, 1984. Т. 2. 1328 с.

2. Николаев С.Л. Северокавказские заимствования в хеттском и древнегреческом // Древняя Анатолия. М.: Наука, 1985. С. 60–73.

3. Седов В.В. Славяне. Историко-археологическое исследование. М.: Языки славянских культур, 2002. 624 с.

4. Синская Е.Н. Историческая география культурной флоры. Л., 1969. 480 с.

5. Старостин С.А. Индоевропейско-северокавказские изоглоссы // Труды по языкознанию. М.: Языки славянских культур, 2007. С. 312–358.

6. Стеблин-Каменский И.М. Этимологический словарь ваханского языка. СПб.: Петербургское Востоковедение, 1999. 480 с.

7. Топоров В.Н. О «льняном» мифе и ареальной перспективе // Топоров В.Н. Исследования по этимологии и семантике. Т. 2: Индоевропейские языки и индоевропеистика, кн. 1. М.: Языки славянских культур, 2006 (первая публикация 1990 г.). С. 264–282.

8. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: В 2 т. М.: Русский язык, 1994. Т. 1. С. 475.

9. Шалаева Т.В. К этимологии русского и белорусского диалектного *лайнó* 'отходы при обработке льна' и 'бельё, одежда' // Лексический атлас русских

народных говоров (Материалы и исследования) 2015. СПб.: Нестор-История, 2015. С. 548–554.

10. Этимологический словарь славянских языков. Праoslavянский лексический фонд / под ред. О.Н. Трубачёва. М.: Наука, 1990. Вып. 17. С. 90.

11. Этимологический словарь славянских языков. Праoslavянский лексический фонд. М.: Наука, 2005. Вып. 32. С. 108–110.

REFERENCES

1. Gamkrelidze, T.V. & Ivanov, Vyach. Vs. (1984) *Indoevropskiy yazyk i indoevropytsy. Rekonstruktsiya i tipologicheskiy analiz prayazyka i protokul'tury* [Indo-European language and Indo-Europeans. Reconstruction and typological analysis of the proto-language and proto-culture]. Vol. 2. Tbilisi: Tbilisi University Press. p. 1328

2. Nikolaev, S.L. (1985) Severokavkazskie zaimstvovaniya v khettskom i drevnegrecheskom [North Caucasian borrowings in Hittite and ancient Greek]. In: Piotrovsky, B.B. et al. (eds) *Drevnyaya Anatoliya* [Ancient Anatolia]. Moscow: Nauka. pp. 60–73.

3. Sedov, V.V. (2002) *Slavyane. Istoriko-arkheologicheskoe issledovanie* [Slavs. Historical and archaeological research]. Moscow: Languages of Slavic Cultures. p. 624.

4. Sinskaya, E.N. (1969) *Istoricheskaya geografiya kul'turnoy flory* [Historical geography of cultivated flora]. Leningrad: Kolos. p. 480.

5. Starostin, S.A. (2007) *Trudy po yazykoznaniiyu* [Works on Linguistics]. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur. pp. 312–358.

6. Steblin-Kamenskiy, I.M. (1999) *Etimologicheskiy slovar'vakhanskogo yazyka* [Etymological dictionary of the Wakhan language]. St. Petersburg: Petersburg Oriental Studies. p. 480.

7. Toporov, V.N. (2006) *Issledovaniya po etimologii i semantike* [Studies in Etymology and Semantics]. Vol. 2(1). Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur. pp. 264–282.

8. Chernykh, P.Ya. (1994) *Istoriko-etimologicheskiy slovar' sovremennogo russkogo yazyka* [Historical and Etymological Dictionary of the Modern Russian Language]. Vol. 1. Moscow: Russkiy yazyk. p. 475.

9. Shalaeva, T.V. (2015) K etimologii russkogo i belorusskogo dialektного lainó 'otkhody pri obrabotke l'na' i 'bel'e, odezhdá' [On the Etymology of the Russian and Belarusian Dialect Word *laino* ('Waste from Processing Flax' and 'Linen, Clothing')]. In: *Leksicheskiy atlas russkikh narodnykh govorov (Materialy i issledovaniya) 2015* [Lexical Atlas of Russian Folk Dialects (Materials and Research) 2015]. St. Petersburg: Nestor-Istoriya. pp. 548–554.

10. Trubachev, O.N. (ed.) (1990) *Etimologicheskiy slovar' slavyanskikh yazykov* [Etymological Dictionary of the Slavic Languages]. Vol. 17. Moscow: Nauka. p. 90.

11. Trubachev, O.N. (ed.) (2005) *Etimologicheskiy slovar' slavyanskikh yazykov* [Etymological Dictionary of the Slavic Languages]. Vol. 32. Moscow: Nauka. pp. 106–108.

Дронова Любовь Петровна – доктор филологических наук, профессор кафедры общей, компьютерной и когнитивной лингвистики Томского государственного университета (Россия).

Lyubov P. Dronova – Tomsk State University (Russia).

E-mail: lpdronova@mail.ru